

Жалеть не о чем

8 февраля 2012 года исполнилось 90 лет Юрию Львовичу Авербаху. Журналист Евгений Атаров дважды встречался с юбиляром, чтобы задать ему всевозможные вопросы.

Юрий Авербах — это целая эпоха в шахматах. Речь не столько о возрасте, хотя не всякому удастся встретить 90-летний юбилей на своих двоих, полным планов и надежд. Речь — о масштабе личности и делах, которые он успел в жизни совершить. Гроссмейстер, чемпион СССР и

участник претендентских баталлий; крупнейший теоретик эндшпиля, автор дебютной системы, названной его именем; тренер, секундант и наставник молодежи; автор десятков книг и многолетний главный редактор журнала «Шахматы в СССР»; путешественник и историк... Всего и не перечислишь! Все

это — его шахматная жизнь. А ведь Авербах жил далеко не только шахматами. Он тесно связал себя с ними уже в зрелом возрасте, вопреки мнению друзей и близких, «решил попробовать». Вот и пробует до сих пор, проживая свою уникальную, ни на что не похожую жизнь. И на покой не собирается.

— Юрий Львович, наверное, это не вопрос, с которого стоит начинать юбилейное интервью, но насколько вы сейчас ощущаете время?

— Напротив, очень своевременный вопрос! В последнее время стал замечать, что оно буквально летит... В детстве мне хотелось подгонять его, я так хотел вырасти, а теперь наоборот хочется его остановить: не успеешь опомниться — уже десять лет прошло! Кажется, давно ли я отмечал 80-летний юбилей, а вот мне уже 90.

И так почти во всем. Вроде только-только с человеком общался, помню, о чем мы с ним говорили, а выясняется, что это было несколько лет назад. Удивительно. Недавно вспоминали шахматную Олимпиаду в Москве 1994 года, на которой я был главным судьей. Так, смотрю — с тех пор успело целое поколение игроков уйти со сцены, те же Карпов с Каспаровым бросили играть в шахматы!

— Вы же удивительно работоспособный человек, столько всего делаете...

— И именно поэтому особенно остро стал ощущать нехватку времени! Что поделывать, я понимаю, что у меня его осталось, может, не так много, а успеть хочется многое.

— Как определяете, что важно, а что — нет?

— Я прислушиваюсь к себе, и если что-то меня действительно заинтересовало, то бросаю все и занимаюсь тем, что считаю важным! Вот загорелся несколько лет назад идеей создать в Государственной публичной научно-технической библиотеке «Центр шахматной культуры и информации», — и отдаю ему все силы. А недавно открыл новый взгляд на шахматы, который и пытаюсь пропагандировать.

Мне сегодня кажется, что шахматы надо воспринимать не как спорт, науку или искусство, а как театр! Каждая партия — это маленькая драма, комедия, трагедия...

... А кому-то она может показаться даже балетом. И такой метод восприятия шахмат, как оказалось, очень хорошо подходит для детей. Далеко не всем из них нравятся борьба, противостояние характеров, а театр нравится практически всем.

Шахматы могут сыграть колоссальную помощь в смысле развития детей. Несколько лет назад я был на конференции сельских детских домов и обнаружил, что дети в глубинке страшно отстают по общему развитию от таких же, но городских. Совершенно ясно, что, когда они вырастут, им будет не так-то просто найти себя в жизни и большинство из них окажутся в криминальной среде. Шахматы, тот подход к ним, который я предлагаю, может помочь решить эту проблему.

В 20-е годы в СССР шахматы несли с собой колоссальную социальную нагрузку. Моя задача чуть менее глобальная, но не менее интересная. Я называю эту линию «Театр шахматных фигур» и регулярно занимаюсь с детьми.

— Сами занимаетесь? Вам не тяжело с детьми?

— Когда мне интересно, забываю о том, что мне 90. Вот, буквально на следующий день после юбилейного вечера — занятие в клубе. Группа человек в 20...

— Можно только позавидовать такой насыщенной жизни. А как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо! У меня был тяжелый период несколько лет назад, но сейчас — гораздо лучше, нагрузки выдерживаю. Как уже не раз говорил, мне хочется многое успеть, это желание помогает! Что ни говори, работоспособность у меня все-таки не такая, как в былые годы. Я вспоминаю 80-е, когда я работал над второй редакцией пятитомника окончаний. О, это был труд, как у рабов на галерах. Распорядок был таким: с утра приходил в редакцию, работал до обеда, потом отправлялся домой, ел,

примерно час отдыхал, а затем возвращался обратно и продолжал трудиться до 12 ночи. В таком режиме работал несколько лет! Сейчас я бы так не смог. Поэтому сегодня эндшпилом уже не занимаюсь.

— А вас не страшит сама эта цифра — 90?

— Нет. А что ее бояться?

— Борис Спасский, недавно отметивший «всего лишь» 75-летний юбилей, написал в некрологе Виталию Цешковскому, что тот поторопился, «не дождался» его...

— Я понимаю Бориса Васильевича и понимаю, что он имел в виду. Увы, поколение Спасского довольно быстро сошло со сцены, а теперь один за другим уходит и из жизни: Гуфельд. Гипслис. Багиров, Цешковский...

А мне... повезло с годом рождения! Я понял это еще 50 лет назад, когда в 1962-м начал работать в шахматной федерации. Тогда СССР владел всеми шахматными титулами, у нас не было только одного — титула чемпиона мира среди юношей. А почему?

Все дело в демографии! Была война, тяжелейшее время — и поколение, которое появилось перед, во время или сразу после Великой Отечественной, в спортивном плане проигрывало предыдущему и следующему поколениям. После Спасского (он с 1937 года) следующим советским чемпионом мира был Карпов, который родился уже в 1951-м. А между ними был только Фишер 1943 года рождения — американец, на котором не так сильно отразились тяготы мировой войны.

Моему поколению повезло в том плане, что в середине 20-х в СССР был НЭП — самый «витаминный» период советской истории. Мы хорошо питались. В 1929 году уже ввели карточки, жизнь стала тяжелее. Я все это прекрасно помню.

И это — далеко не единственный пример. В 1948-м чемпионом мира был Ботвинник, который

Коллектив журнала «Шахматы в СССР» поздравляет главного редактора

родился в 1911 году, а следующим — только Смыслов, он с 1921 года. Куда пропали эти десять лет? Ответ прост: сначала была Первая мировая война, затем Октябрьская революция, красный террор... Вот и дыра!

Это, я вам скажу, сложный механизм — гораздо более сложный, чем прибавочная стоимость, которая лежала в основе учения Маркса. Изучение истории уже давно убедило меня в том, что в мире ничего не остается без последствий.

— Коли уж речь пошла о демографии, у вас в роду были долгожители?

— Были и есть. Моей тетке по еврейской линии сейчас 107 лет! Думаю, что у меня неплохие перспективы, хотя, как известно, это — «небесная лотерея».

— Вы — верующий человек?

— Нет, чистый атеист. Стою на стороне Омара Хайяма, который писал: если ты считаешь, что люди плохие, то кто — бракодел? Сказано коротко, но емко.

— Слушая вас, поражаешься: как удается хранить в памяти такое количество дат, имен, событий и цитат?

— Дело в том, что у меня хорошая эмоциональная память. Это выяснилось весьма необычным образом. У меня были хорошие отношения с Блюменфельдом и, когда он делал свою работу по психологии шахмат, я был у него «подопытным кроликом». В 1945 году он предложил мне вспомнить свои партии из чемпионата Москвы 1939-го. И обнаружилось, что я прекрасно помнил любые эмоциональные моменты в игре и почти забыл моменты простого маневрирования. Это эмоциональная память.

Стал замечать, что я, например, не забываю анекдоты. У большинства они сразу же вылетают из головы, а я — помню. Может, это определило и то, что я много знаю. Особенно в области истории или что-то, связанное с личными переживаниями.

С возрастом я стал иногда забывать фамилии. Помню, кто, что, могу описать, а фамилия уже вылетела. Однако я нашел мнемонический способ, как с этим справиться. Да взять, хотя бы, писателя Ремизова — он был моим родственником. Все время выскакивала его фамилия. Но я начал говорить себе «до-ре-ми» — и когда доходил до нужной ноты, фамилия его тут же проявлялась.

— Про вас, мне кажется, можно сказать, как про Эйве: с годами молодеете!

— Но я бы не отказался вернуться лет на 30—40 назад. Кстати, о том, как я выгляжу. Во время юбилейного вечера в ГПНТБ развесили мои фотографии разных лет, так я неожиданно обнаружил, насколько разный я на них — в молодости, уже в зрелом возрасте, в годах. Просто совершенно другой человек. Я не замечал этого.

— А по-моему, всегда — стройный, высокий. Видно, что спортсмен!

— Любовь к спорту, к физкультуре мне привил дядя. Я даже в шахматы научился играть, глядя на то, как отец играет с ним! Тот был заядлым спортсменом: зимой — коньки, летом — велосипед. Он заразил меня спортом... Водил на конькобежные соревнования, в 1931 году я был на «Динамо» на первом футбольном матче между сборными СССР и Турции! Тогда на стадионе был еще деревянный трек...

И пусть конькобежка он из меня не сделал, спорт я полюбил. Играл и в футбол, и в хоккей. А в волейболе даже входил в сборную своего возраста. Что говорить, я даже рос до 25 лет, пока занимался волейбо-

лом — организм чувствовал, что ему надо становиться выше. Потом приучился делать зарядку. Я делал ее лет до 33, но как только стал чемпионом СССР — моментально прекратил!

Кроме того, с 1964 по 1996 год я регулярно ходил в бассейн. Думаю, плавать бы до сих пор, но когда мне несколько лет назад поставили кардиостимулятор, врачи сказали, что нельзя размахивать руками. А плавать я очень любил: помню, в 9-м классе на спор переплыл Москва-реку с связанными руками и ногами.

— *А есть у Вас какие-то «рецепты сохранения молодости»?*

— Честное слово, все зависит от человека... Например, когда я был маленьким, обнаружили какие-то проблемы с желудком, и врач сказал, что мне надо по утрам есть гречневую кашу. И вот я уже 90 лет ем эту гречневую кашу! А как-то раз в Южной Америке мне порекомендовали для здоровья есть маслины — по шесть штук в день. Я и ем. Такие вещи, может быть, тоже играют свою роль.

На здоровье, мне кажется, сказались и то, что если я «нарушал режим», то делал это нечасто. Мне порой доводилось общаться с людьми, которые сильно выпивали, но сам я ни разу в жизни, что называется, не «входил в штопор»! Это важно.

— *Постойте, а как же знаменитая «фляга Авербаха»?*

— Не знаю, это что-то из народного фольклора. Фляжку я носил с собой только на какие-то конькобежные соревнования и только, чтобы согреться на морозе...

— *Чувствуется, дядя вас серьезно «заразил» коньками! А кто — шахматами?*

— Шахматистом меня сделал 1935 год. Во время Второго московского мальчишки все стали увлекаться, а в школе устроили турнир на 5-ю категорию. Я тоже записался. И выполнил! Мне

вручили книжечку за подписью мастера Рюмина.

Не скажу, что, когда я принес ее домой, родители порадовались. В ту пору у меня были проблемы с дисциплиной, в школе я постоянно получал «неуды» за поведение. И отец, который мечтал, чтобы я в будущем стал инженером, говорил: «Лучше бы ты вместо того, чтобы заниматься спортом, приносил домой хорошие отметки!» Фигуры у нас в доме появились в 1925 году, после Первого московского международного турнира. Но никто всерьез не играл: ни отец, ни мать.

— *И даже не одобряли вашего увлечения?*

— Нет! Вот когда я поступил в институт имени Баумана, отец был искренне рад. Шахматы он всегда считал блажью и признал их буквально перед своей смертью, после того как я стал чемпионом СССР в 1954-м. Какое-то странное совпадение: когда в 1972-м стал президентом Шахматной федерации СССР, умерла моя мама.

— *От таких совпадений можно и фаталистом стать...*

— Все в руках судьбы! Взять хотя бы мою шахматную карьеру. Ее ведь могло и не быть. Я стал чемпионом СССР среди школьников в 1938 году, а потом институт, война, работа... Мне повезло с начальником отдела в институте: заслуженный деятель науки и техники, профессор Константин Ушаков. Как-то в конце 40-х он поинтересовался, как у меня сочетается работа младшим научным сотрудником с шахматами. Я честно ответил, что не очень. И он предложил мне на два года оставить институт и попробовать себя в шахматах. Сказал: «Добьетесь большого успеха — хорошо. Нет — возьму назад».

Когда я рассказал об этом разговоре Юдовичу, он схватился за голову: «Зачем тебе это? В шахматах все так ненадежно... Здесь все зависит от случая, как у актеров!» Тогда, в 1950-м, я получал в институте 2 500

рублей, ну а стипендия, которую мне положили как мастеру, была лишь 1 200. Только став гроссмейстером, я стал получать 2 000. Интересно, что «творческий отпуск» длился у меня не два, а четыре года — и только в 1954-м я, наконец-то, уволился из института. Ладно — Юдович, против была вся моя семья: отец, жена. Они считали, что я сошел с ума, бросаю хорошую работу ради каких-то шахмат. Но я хотел попробовать...

— *Вы сказали, что стали шахматистом после Второго московского... А на самом турнире-то были, видели за игрой живых Ласкера, Капабланку?*

— Ласкера видел, Капабланку — нет. На сам турнир я не попал, но был на сеансе одновременной игры, который давали Ласкер и Шпильман. От нашей школы участвовал ее чемпион — Алик Прорвич, который потом работал в Спорткомитете. Интересно, что первым, кого я тогда увидел во время сеанса, был Линдер. Он сидел в такой красной рубашке и запомнился мне больше Ласкера.

— *Но ведь Ласкер в те годы жил в Москве. Неужели вам не доводилось...*

— Только однажды. Примерно через год после того сеанса устраивали конкурс по всем видам композиции, и я сумел занять в нем 5-е место. А призом был «Учебник шахматной игры» Ласкера. Вручать его пригласили самого экс-чемпиона. Он мне показался тогда страшно старым — сейчас смешно об этом говорить, ему было в ту пору «всего» 67 лет, но при этом глаза оставались живыми, молодыми! Жаль, но у меня в библиотеке не сохранилось той уникальной книги с его автографом.

— *А кто произвел на вас наибольшее впечатление среди шахматистов?*

— Николай Дмитриевич Григорьев. Однажды я совершенно случайно набрел на шахматный

клуб Наркомюста. Он находился на углу Ильинки и Большого Черкасского в Министерстве юстиции. Когда пришел, то первым делом увидел Николая Крыленко... Меня поразила его большая бритая наголо голова, но гораздо больше — глаза, они были красными! Я потом понял, что это были глаза систематически невысыпающегося человека. Немудрено: они по ночам готовили все эти многочисленные процессы, которые шли в 30-е годы.

В этом клубе я попал на лекцию Григорьева. Когда он показывал свои удивительные этюды — у него были такие гонкие, артистические пальцы, я скорее почувствовал, чем понял, красоту шахмат! И вот тогда-то и возникли первые мысли о том, что хорошо было бы овладеть этим искусством. Это был самый сильный толчок для меня.

— Нет ли переключки между этюдами Григорьева и вашим будущим увлечением эндшпилем?

— В определенной степени. Но повлиял и еще один момент. В 30-е годы был такой ученый Борис Стечкин, главный теоретик у конструктора моторов Микулина, в 29-м он стал первым, кто произвел расчет турбореактивного двигателя. Я дружил с его сыном Сергеем Стечкиным. Мы учились в одном классе и очень много играли. Как и у отца, у него был математический склад ума со склонностью к эндшпилю.

Сначала мне это не очень нравилось, но именно благодаря ему стал как следует заниматься эндшпилем. И начал его обыгрывать! Другой бы просто обиделся, он же сделал широкий жест. Как-то он привел меня домой и сказал: «Бери все шахматные книжки, которые тебе понадобятся. А я полностью перехожу на математику!»

Сергея своей игрой привил мне вкус к эндшпилю. Обычно дети его не любят, они стараются все

время атаковать, жертвовать. У меня получилось по-другому.

— Как считаете, у вас был чисто шахматный дар или вы «сделали» себя?

— К сожалению, у меня для шахмат не было главного — как в свое время говорили, желания набрать адреналин. Того, что делает чемпионов мира чемпионами!

Чемпион должен быть таким человеком, который за победу готов отдать все. Он должен быть честолюбивым. Я же отношу се-

ЧЕМПИОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ТАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ ЗА ПОБЕДУ ГОТОВ ОТДАТЬ ВСЕ

бя к «исследователям» — мне хотелось добраться до сути. Это во многом и определило мое дальнейшее будущее...

— Глядя на вашу биографию, находишь много «счастливых совпадений», удач, которые совершились без вашего участия. Складывается впечатление, будто вас ведет по жизни какой-то ангел-хранитель!

— Это отличительная черта людей, родившихся под знаком Водолея. Во-первых, почти все водолеи — трудоголки. А во-вторых, они всю жизнь «плывут по течению». Хорошо это или плохо, но от меня в этой жизни очень многое не зависело...

Вот самый яркий пример. Я пошел в школу на год раньше, чем полагалось, и закончил ее в 1939-м. А в том году в СССР проходил так называемый «Ворошиловский призыв» — всех 18-летних, закончивших школу, брали в армию. Мне было 17 и я успел поступить в Бауманский институт, в котором была военная кафедра, оттуда в армию не брали. Не надо говорить, что было в 1941-м.

А как получилось, что я пошел в школу на год раньше? Дело в том, что в 1929-м на селе началась коллективизация, деревня побе-

жала в город, и в нашем дворе сразу стало много детей. И чтобы я не болтался без дела, меня определили в школу.

Меня приняли в школу только в ноябре, на два месяца позже. И мне приходилось ходить пешком от Большого Афанасьевского переулка, что недалеко от памятника Пушкину, на Остоженку — совсем рядом с ЦШК... Сейчас это кажется смешным, но в классе я был самым маленьким. И не только по возрасту, но и по росту! Приходил я обычно только ко второму уроку, и нянечка в школе, завидев меня, причитала: «Ай-яй-яй, такой маленький, а уже в школу. Как это родители его не жалеют...»

— А чего стоит история с ботинками, когда вас не взяли ни фронт ополченцем в 41-м!

— Тут целая цепь событий... Когда немцы уже были совсем близко, в ЦШК решили провести турнир мастеров и кандидатов в мастера, чтобы показать фашистам, что Москва, несмотря ни на что, живет обычной жизнью. И в очередном туре, который стал в итоге последним, я выиграл у мастера Белавенца (это была его последняя партия в жизни), после чего сыграл вперед, за последний тур, с Юминым вничью (и это тоже оказалась его последняя партия: он в 1942-м умер). Мы играли у него дома, а вечером пришла его жена и сказала, что Москва эвакуируется... С утра я выяснил, что мой институт эвакуировался в Ижевск. Пошел в комитет комсомола, там мне предложили пойти добровольцем на фронт. Я подумал и согласился.

Таких, как я, отставших от эшелона, из нашего института оказалось много. Нас выстроили в шеренгу. Одеты-обуты все были плохо, обмундирования не было. Нас осмотрел пожилой военный. Неожиданно он остановился около меня и спросил: «И в этих ботинках ты собираешься

воевать?» На мне были такие легкие брезентовые ботинки, в которых уже тогда в октябре было холодно... Меня отправили в обувной магазин подобрать нормальную обувь. Моего 45-го размера не было, пришлось отправиться на вокзал, догонять эшелон.

Что от меня тут зависело?! Были бы у меня ноги меньшего размера, я отправился бы на фронт, а там кто знает... Таких историй у меня в жизни была масса!

— *Слышал, у некоторых мастеров, которые прошли через войну, было несколько пренебрежительное отношение к тем, кто, по их мнению, «отси-делся в тылу». А вы на себе такое отношение со стороны фронтовиков никогда не ощущали?*

— Те, кто был в эвакуации, знают: жизнь была не сахар. Жили впроголодь в ужасных условиях... Коли уж речь зашла об обуви, в Ижевске мне «выписали» сапоги, и я четыре года проходил в них, практически не снимая. Просто стер их... В ту пору многие не то чтобы «косили», наоборот, спасались в армии. Лично я никогда не испытывал ни стыда за то, что не был на войне, ни чужого презрения...

И потом, я на Урале не только учился, но и работал. При институте было КБ, мы занимались тем, что переводили бензиновые двигатели на газ. Бензина не было, и машины топили чурками, через генератор превращая их в газ.

— *А в шахматы вы во время войны играли?*

— Практически не играл — не с кем было и сил не оставалось. До 1943-го даже не прикасался к шахматам. Потом сыграл в первенстве Ижевска, стал вторым.

— *Почувствовали, что практическая сила упала?*

— Интересно, что нет! Более того, когда в 1944-м играл в полу-

финале первенства Москвы — я ведь занял 1-е место впереди двух мастеров, — боролся уже не так, как до войны. Только потом понял, в чем дело: просто вырос. Раньше-то я играл очень нервно, а во время войны эта моя нервозность прошла. Может, благодаря этому с первой попытки стал мастером, заняв 6-е место в том чемпионате Москвы. Фактически это был чемпионат СССР. Я тогда сделал ничьи с Ботвинником, Смысловым и Котовым, выиграл у Алаторце-

ков, почему мне не удалось попасть в чемпионскую когорту.

И еще одно. Дружба! Моими самыми близкими друзьями в шахматах были Геллер, Петросян и Тайманов. Мы так четверкой и шли. Кто был самым молодым из нас? Верно — Тигран! Вот он-то и стал чемпионом мира. А Ефим не стал... Он на пять лет старше Петросяна. Я же был еще старше Геллера.

Нельзя забывать еще о том, что я пять лет работал и практически не участвовал в шахматной жизни. Я играл, но чисто по-любительски. Мне в 1950-м было уже 28 лет! Не знаю, как пошло бы, не пропусти я эти пять лет? Всякое могло случиться.

У МЕНЯ НЕ БЫЛО ТОГО, ЧТО В ФУТБОЛЕ СЕЙЧАС У МНОГИХ СЛУЧАЕТСЯ, КОГДА ЧЕЛОВЕК «ЛЕТАТЬ» НАЧИНАЕТ

ва, Юдовича, Лисицына — ведущих мастеров страны. Результат блестящий для моего тогдашнего состояния.

— *А почему, став мастером, вы не вернулись к игре в сороковые годы?*

— Во-первых, мне никто не предлагал переходить на шахматную стипендию, а во-вторых, должен был после института отработать пять лет по распределению. В ту пору я даже не думал, что стану профессиональным шахматистом. Мне было интересно работать, я делал это с удовольствием... У нас был сильный коллектив, на семинары ходил, как в театр! Когда начинали спор крупные ученые, сидел с широко открытыми глазами и узнавал массу интересного.

— *В 1950-м вам предоставили шанс снова попробовать себя в шахматах. Чувствовали свою силу? Хотели «свернуть горы»?*

— Да, конечно! Я же выигрывал и у Петросяна, и у Кереса. С Эйве счет 2,5-0,5 в мою пользу. Я все это чувствовал, но... у меня не было того, что в футболе сейчас у многих случается, когда человек «летать» начинает. Вот это — один из моих главных недостат-

— *Снова знак судьбы. Может, чемпионство — это просто не ваше?*

— Да, наверно. Но я понял это только в 1962-м, когда мне предложили возглавить журнал «Шахматы в СССР». Мне было 40, и я с некоторой грустью понял: в практической игре уже нет никаких шансов и надо заняться чем-то иным.

— *Ваш шахматный пик — это середина 50-х?*

— Да, турнир претендентов в Цюрихе 1953 года и чемпионат СССР в Киеве в 1954-м. Фактически единственный момент, когда я серьезно занимался шахматами. Вот, считается, что я относительно неудачно сыграл в Цюрихе. Но вы посмотрите на обе мои партии против Штальберга, который занял последнее место. Выиграй я их, как Петросян, — и в итоге стал бы пятым! А получился только дележ 10–11-го мест.

— *Победа в чемпионате СССР 1954-го — своего рода реванш?*

— Все дело в том, что на турнире претендентов я получил отличную практическую подготовку. Вот если бы она у меня была перед Цюрихом! Подготовлен-то я был по-

максимуму, а вот практики не хватало — я не наигрался. В Киеве все сошлось. Я ведь там не просто выиграл чемпионат СССР, а показал результат «+10» и на полтора очка оторвался от второго призера... Кроме Ботвинника, в чемпионатах Союза таких результатов не показывал никто. Я еще и не проиграл ни разу!

— *А почему после такой яркой победы не последовало продолжения?*

— Я плохо сыграл в матче с американцами и сразу поссорился с Постниковым, шахматным зампредом в те годы. В результате меня тут же вывели из сборной, не взяли на Олимпиаду, отправили играть в первенстве Азербайджана. Да что там, я даже попал на трехмесячный военный сбор! Это был сильный удар.

— *За без малого 20 лет вы успели перебивать секундантом, спарринг-партнером, наставником чуть ли не у всех советских чемпионов мира! Как это произошло?*

— Судьба! Историю о том, как я стал тренером Спасского на победном для него чемпионате мира среди юношей, нарочно не придумашь. У Бори был свой тренер — Толуш, а я в тот момент находился на военных сборах под Петергофом. И вдруг получаю предписание: «Старшему инженеру, лейтенанту Авербаху прибыть в Министерство военно-морского флота!» Приехал, а там мне: нет, вам не к нам, вам — в Спорткомитет. Выясняется: Толуш сломал ногу, и кому-то надо ехать со Спасским в Бельгию. У меня был выбор: возвращаться к себе на сбор, продолжать маршировать или ехать на чемпионат мира среди юношей.

Я поехал со Спасским, и Борис уверенно стал чемпионом. А следующим чемпионом мира среди юношей из Советского Союза стал только Карпов 15 лет спустя.

— *Ботвинник вас тоже сам позвал?*

— Как-то раз мы вместе оказались на сборе. Я тогда был чемпионом, и Ботвинник мне предложил: давайте сыграем несколько тренировочных партий... Мне казалось это интересным, захотелось посмотреть, как он работает, и т.д. Я с удовольствием согласился. И мы, сидя у него на даче, «под радио» играли. Я по пять часов в день слушал о квадратно-гнездовом способе посадки картофеля... Он считал, что с помощью тренировок сможет во время игры «изолировать» себя от шума зала. Но я-то не рассчитывал на такую нагрузку, и когда партии заканчивались, у меня голова была вот такая! Ему же все было ни о чем. Что я понял: Ботвинник обладал сильным даром самовнушения; если он, например, считал, что прошел «тренировки против шума», во время игры публика не будет мешать ему играть. И точно так же он заставлял Рагозина во время тренировочных партий «обкуривать» его и т.д.

Открыл я для себя еще кое-что о Ботвиннике. Мы с Михаилом Моисеевичем как-то отмечали Новый год семьями. Так вот, когда мы уже немножко выпили, смотрю, он блестяще танцует «шимми» — это танец 30-х годов... Я ему говорю: «Вот чего я от вас не ожидал, так того, что вы еще танцуете. Да еще так!» Он ведь не употреблял алкоголь, но выпил стакан шампанского и веселился вовсю. Его ответ поразил меня еще глубже, чем танец. Совершенно без всякого юмора он сказал: «Вы знаете, когда я танцевал с Улановой, то был лучше нее!» Тогда понял: Ботвинник действительно в любом деле считает себя чемпионом мира.

— *Вы помогли Смыслову, когда он был претендентом в 80-х, а почему не были с ним в 50-е? Вы же из одного города, почти одногодки...*

— Не знаю, у него были свои тренеры. А мы с Васей были просто

друзьями. С Петросяном мы, можно сказать, росли вместе... Взять хотя бы его свадьбу. Если со стороны Роны были одни евреи, то со стороны Тиграна «три армянина»: Левин, Авербах и Лилиенталь. Мы с ним были близки в человеческом плане. Не раз встречали Новый год, на лыжах катались, наши жены дружили.

В шахматном плане, несмотря на разницу в возрасте, мы тоже шли вместе. Начиная с полуфинала чемпионата СССР-51 в Свердловске. Считаю, что мы с Ефимом, не работая в его «штабе», немало сделали, чтобы Тигран стал чемпионом мира. Геллер вообще вложил в него многое из своего понимания шахмат — без него стиль игры Петросяна не был бы таким гармоничным, масштабным. «Толкачами» же были армяне и Рона — сам-то Тигран был не слишком честолюбивым. Кстати говоря, в 1963-м я и не мог помочь ему: я был уже заместителем председателя Шахматной федерации СССР и просто не имел права занимать чью-то сторону.

— *Не жалели, что не переживали с ним радость победы в 1963-м и в 1966-м?*

— Ну, переживать-то мне никто запретить не мог, и мы по-прежнему продолжали общаться с Тиграном. А что не был в тот момент рядом с ним? Трудно сказать... Я был рад за него. Да и Болеславский был колоссальным тренером и много дал ему. Возможно, я мог бы добавить что-то свое... Однако в 1969-м справиться со Спасским, наверное, не мог помочь никто. Петросян просто устал быть чемпионом.

Это выразилось уже позже, когда мы с Геллером секундировали ему на матче с Корчным в Чокко в 1978 году. Петросян играл лучше, но слишком нервничал. Ключевой стала предпоследняя партия: у Тиграна был перевес в эндшпиле и 40 минут против 10. Корчной предложил ничью через судью, и тут Петросян начал вертеться на

Т. Петросян, А. Котов, П. Керес, Ю. Авербах и Е. Геллер

стуле, стал смотреть в нашу сторону. Геллер ему даже кулак показал: «Не соглашаться!» Но... он продумал над ответным ходом 30 минут, а когда показания часов сравнялись, согласился на ничью. «Как же так, Тигран? Это был твой шанс!» — набросился я на него. А он грустно сказал: «Хорошо тебе. Тебе до пенсии всего четыре года осталось, а мне — 12!» И я понял, что время ушло.

— Вы никогда не жалели, что в 1972-м согласились стать администратором?

— Это произошло почти против моего желания. В тот день, когда меня выбрали в президенты Шахматной федерации СССР, у моей мамы случился инсульт. Я стал заниматься вопросом ее госпитализации, но тут мне звонит Постников: «Принято решение избрать вас председателем...» Я ему: «У мамы инсульт, прийти не смогу!» А он: «Ничего, мы вас и без вас выберем. — и добавил еще. — Учтите, мы с вами живем

в одном мире!» Сразу дал понять, что возражений с моей стороны не примет. Действительно, меня выбрали на должность без моего присутствия.

Я пробывал во главе федерации пять лет. Только потом, когда появился Карпов, он стал собирать свою команду и привел Виталия Севастьянова. Мне позвонил тогда Рошаль и хозяйским голосом сообщил, что я не буду президентом в федерации, для меня оставили роль представителя федерации СССР в ФИДЕ.

Меня это несколько не расстроило. За все годы работы в шахматной федерации у меня не появилось чиновничьего честолюбия, не видел предмета гордости. Но считаю, что работу проделал большую... Взять те же «турниры молодых мастеров». «мастера против гроссмейстеров», да и программу «Белая ладья» мы запустили.

— Да только за эту работу вам просто памятник должны были поставить!

— Действительно, многие благодарили. А в Спорткомитете меня знаете как называли? Палочка-выручалочка! Во-первых, я хорошо умел гасить любые конфликты. Во-вторых, иностранный язык в ту пору знали всего три шахматиста: Керес, Котов и я. Причем они предпочитали играть в Европе, а я с удовольствием мотался по всему миру. Я любил путешествовать. С удовольствием ехал и в Индию, и в Новую Зеландию, и на Кюрасао — куда угодно... Помню, как-то ехал я в поезде в Индии (на сиденьях в купе был сантиметровой слой пыли, рядом со мной ехал какой-то брамин со слугой, который дежурил в коридоре) и рассуждал: «Интересно, если бы мне сказали, что я буду ехать в первом классе по Индии, согласился бы я пойти на эту работу?!» В это время в окне мелькали головы слонов, всякая экзотическая растительность...

— То, что вы были выездным, мотались по миру, вызывало зависть коллег?

— Не без этого. Но в какой-то момент мне просто не было альтернативы. Ведь еще Ботвинник советовал ученикам во Дворце пионеров в конце 30-х: «Ребята, изучайте иностранные языки!» В шахматной жизни это очень пригодились. Я не раз ездил и в одиночные поездки, и с группами. С «благонадежностью» все было в порядке. В свое время, как известно, Ильин даже эпиграмму на меня написал:

Он мобильности пример.
Может спорить с вольной птицей.
«Шахматы в СССР»,
А редактор — за границей!

— А вы ведь начинали еще в «Шахматной Москве»! Потом были «Шахматы в СССР», «Шахматный вестник», «Шахматы в России» и т.д. Когда вы приобрели вкус к журналистике?

В первое время это было, скорее, нагрузкой для вас?

— В первое время — возможно. Но все-таки это было интересно. Работа в журнале очень живая: постоянно общаешься с людьми... Я все время говорил, что мне очень везло с заместителями. Так, в «Шахматах в СССР» им долгое время был Юдович, а в «Шахматной Москве» — Хенкин. Я ведь

фактически сделал Виктора журналистом! В ту пору он развелся с женой, уехал в Пермь. Через некоторое время вернулся и искал, чем заняться. Я с ним дружил и предложил попробовать себя в «ШМ». Когда я пошел «на повышение», Хенкин стал в той газете настоящим хозяином.

— «Шахматы в СССР» до 1962 года был фактически бюллетенем. Превратить его в настоящий полноценный журнал — ваша идея?

— Да, моя. Партии, теория и все эти короткие отчеты о турнирах — это здорово, но мне казалось, что шахматный журнал должен быть более разнообразным.

— А ведь помимо журнала вы еще и добрый десяток книг написали! Когда?!

— Я был страшно работоспособным. Бауманский институт учит одному — умению работать. У меня диплом занимал 20 печатных листов, 320 страниц. Именно там я и научился работать. Просыпаясь утром, сразу мысль: чем-то надо заняться. И однажды решил заняться эндшпилем. Меня огорчало, что дебютных книг масса, а по эндшпилю — нет. Нет ни классификации, ни стройной системы... А первая моя книга — «Как решать шахматные этюды» вышла в 1957 году. Я общался с разными шахматистами и удивлялся, что очень многие не умеют самостоятельно анализировать. Могут быть яркими, самобытными игроками, а работать не умеют. Для меня же это всегда было удовольствием, и в 50-х годах я начал встречаться с московскими композиторами. После одной из таких встреч подумал: а почему есть книги этюдов, но нет ни одной о том, как их решать? Вот так рождались идеи.

Спустя годы я создал книжку «Что нужно знать об эндшпиле?». Как и первая, она носила популярный характер, в ней не было ничего лишнего. Обучающие книги вообще должны быть небольшими, чтобы не «убить» своим объемом читателя.

— Но ваши «Шахматные окончания» — настоящий энциклопедический труд.

— Это другое... Знаете, как этот трехтомник появился на свет? Как-то раз во время чемпионата СССР-1950 мы обедали с Кересом и Бондаревским и решили, что вместе напишем книгу об эндшпиле. Но потом Пауль «увлекся» борьбой за первенство мира. Игорь пошел в тренеры — и им стало просто некогда. Ну а мне было некуда деваться: договор-то с редакцией мы уже заключили! Я тогда обратился за помощью к Майзелису, который увлекался эндшпилем, мы с ним сделали первый том, потом я уже самостоятельно осилил еще два. А двадцать лет спустя провел колоссальную работу, превратив его уже в пятитомник.

Безусловно, «Шахматные окончания» — мой «труд жизни». А первую свою статью об эндшпиле, которая и открыла мне это направление, я написал в 1946-м. Дело было в полуфинале первенства СССР. У Бронштейна была отложенная с Таймановым, и Дэвик зашел ко мне в номер на предмет «чего-нибудь поест» (дело было в Ленинграде сразу после блокады, и все были голодные) и показал позицию. У него был конь с пешкой против ладьи с пешкой, — и за анализом мы неожиданно нашли этюдный выигрыш за Марка! Переглянулись: что делать? Но... Тайманов смахнул с доски пешки, пытался выиграть с ладьей против коня, и получилась ничья.

Когда я вернулся в Москву, Романовский предложил мне посмотреть на другие подобные окончания. Я проанализировал их и вскоре опубликовал в «Шахматах в СССР» свою первую теоретическую работу. Она так и называлась: «Ладья с пешкой против коня с пешкой». Постепенно я приобрел вкус к такого рода работе.

— Но ведь рядом с энциклопедическими окончаниями была еще ваша с Бейлиным книга «Путе-

шествие в шахматное королевство», которая оставила очень яркий след. Как вам удалось создавать такие разные произведения?

— У нас было очень мало времени! Эту книгу заказали англичане, и мне надо было написать одну пробную главу. Чтобы ускорить процесс, я позвал Бейлина. Мы с ним были знакомы с детства и отлично знали материал. Миша в ту пору как раз ушел из адвокатской конторы и искал, чем бы заняться. Книга получилась удачной, прежде всего потому, что мы ясно понимали, что надо и чего не надо рекомендовать детям. Что же до стиля ее изложения, то у Бейлина было легкое, хорошее перо.

— А ваше увлечение историей, в частности шахматной историей, надо полагать, возникло гораздо раньше, чем в 90-е годы.

— Думаю, это было заложено у меня в генах! Я обнаружил, что мой родственник по материнской линии, профессор Павел Виноградов, оказывается, был сэром! Он, будучи русским академиком, занимался средневековой Англией и в 1902 году был приглашен преподавать историю в Кембридж. Да так и остался там жить. Узнал я об этом совершенно случайно, как-то обнаружив у тетки открытку от него. История, насколько помню, меня интересовала всегда. Еще в 30-е годы, когда я выбирал, куда поступать, одним из вариантов был исторический факультет. Но, наверное, даже хорошо, что в свое время пошел на инженера и стал тем, кем стал. Пойди я тогда на историка, моя могилка уже давно где-нибудь бы колосилась...

— Подводя невольный итог большого пути, не жалеете ли вы, что все сложилось именно так, и не хотелось бы вам что-то изменить, будь у вас «второй шанс»?

— Как известно, жизнь нельзя переписать «набело». Так что,

наверное, не стал бы ничего менять, тем более, судьба сама вела меня по этому пути. Единственное, что поменял бы — наверное, надо было чуть раньше заняться историей шахмат. Сейчас вспоминаю, что первая лекция, которую я читал на Стадионе юных пионеров, как раз была об истории шахмат! Если бы не война, не Бауманский институт, я занялся бы ей куда серьезней и значительно раньше. Где-то внутри я чувствую: это мое! Я по своей сути исследователь, а в истории полно «белых пятен». И некоторые из них мне посчастливилось закрыть своими исследованиями. Как известно, в истории есть два очень простых правила: дважды два далеко не всегда равняется четырем и «историю» всегда делают победители, а проигравшие всегда будут виноваты.

— Но, читая страницы «нашей биографии, этого не чувствуется: вы всегда честны и перед самим собой, и перед читателем! Вы сами и стали частью истории. Каково это: родиться при Ленине, мужать при Сталине, пережить и хрущевскую оттепель, и брежневский застой, и горбачевскую перестройку, и нынешние лихие годы?

— Что сказать? Период был тяжелый, но... интересный! Невольно хочется сказать словами Николая Глазкова, моего приятеля. У него сказано все точно:

*Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычный.
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней...*

Несмотря ни на что, считаю себя счастливым человеком, мне было интересно жить! В своей жизни я повстречал массу интересных людей и участвовал во многих интересных событиях. Причем в совершенно разных областях: в науке, спорте, культуре, искусстве... Были проблемы, как без них, но жалеть мне не о чем!

Выдающийся просветитель

В МАРТЕ ЭТОГО ГОДА ВЫХОДИТ НОВАЯ КНИГА Ю.Л.АВЕРБАХА «ИСТОРИЯ ШАХМАТ: ОТ ЧАТУРАНГИ ДО НАШИХ ДНЕЙ» (М., ГПНТБ России, 2012). ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕЙ НАПИСАЛ 13-Й ЧЕМПИОН МИРА – НЕ ТОЛЬКО ШАХМАТИСТ И ПОЛИТИК, НО И БОЛЬШОЙ ЦЕНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Нынешний компьютерный бум и доминанция спортивно-го фактора, к сожалению, заслоняют молодого шахматистам еще совсем недавнюю историю, когда наша любимая игра была культурным феноменом, проникшим во все сферы общественной жизни. Эта совершенно иная сущность шахмат как части общечеловеческой культуры уходит корнями в глубь веков и особенно отчетливо прослеживается в последние 400–500 лет, когда развитие игры шло вместе с подъемом тех или иных государств. Для меня несомненно, что лучшие шахматные мастера каждой эпохи были тесно связаны с ценностями того общества, в котором они жили и творили: все изменения культурного, политического и психологического фона отражались на стиле и идеях их игры.

Сегодня уже почти не осталось людей, олицетворяющих эти вековые традиции. Один из немногих – старейший гроссмейстер мира Юрий Львович Авербах. давно уже знаковая фигура в мировых шахматах, живое воплощение их неразрывной связи с общественной и культурной жизнью. Интересы этого на редкость эрудированного и разностороннего человека всегда простирались далеко за пределы шахматной доски.

Напомню, что Авербах был очень сильным практиком, участником двух межзональных турниров (1952 и 1958) и знаменитого турнира претендентов в Цюрихе (1953). О мощи его игры говорят и успехи в чемпионатах страны, прежде всего победа в 1954 году и дележ 1–3-го мест в 1956-м. Случайно чемпионами СССР не становились! Добиться большего он не смог, наверное, лишь потому, что в его лучшие годы шахматный Олимп штурмовали такие корифеи, как Керес, Смыслов, Бронштейн, Петросян, Геллер, Спасский, Таль, Корчной...

Постепенно Юрий Львович переключился на другие виды шахматной деятельности – стал тренером, журналистом, литератором, историком, а с 1962 года возглавил журнал «Шахматы в СССР». Уже тогда Авербах слыл крупнейшим теоретиком эндшпиля. На его фундаментальном многотомном труде «Шахматные окончания» и популярной брошюре «Что надо знать об эндшпиле» выросло не одно поколение шахматистов. К исследованию заключительной стадии игры – как, впрочем, и других аспектов шахмат – он всегда подходил весьма основательно и научно, результатом чего стали десятки типовых позиций, неразрывно связанных с

именем Авербаха. На Западе его даже прозвали «Mr. Endgame» («Мистер эндшпиль»). До сих пор помню, как в бакинском Дворце пионеров нам говорили, что учиться играть эндшпиль надо «по Авербаху». Заметен его вклад и в дебютную теорию: он разработал оригинальный план против староиндийской защиты, по праву названный системой Авербаха.

В 70–80-е годы он добрых полтора десятка лет вел на советском телевидении еженедельную «Шахматную школу», не имеющую аналогов в мире, и на всю страну регулярно звучала забавная песенка, пародирующая «Программу телепередач на завтра», где были такие строки: «От великого до смешного – один шах. "Шахматную школу" собирает Авербах!»

К тому же Юрий Львович был видным деятелем отечественной и международной шахматных федераций, занимал в них высокие посты. Он и очень авторитетный в мире арбитр, судивший, в частности, мои матчи с Карповым (1984/85), Шортром (1993) и Крамником (2000), а также Всемирную олимпиаду (1994) и чемпионат мира ФИДЕ (2001/02). Трудно припомнить крупное шахматное событие, которое обходилось бы без его участия.

Памятный сеанс. Москва, 1974

Пожалуй, ни один другой большой шахматист XX века не проживал столь насыщенной творческой жизни. Эта поразительная многогранность делает фигуру Авербаха уникальной в истории современных шахмат. Во всяком случае после Второй мировой войны подобных энциклопедистов шахматной игры уже не было.

Для меня имя Авербаха особенно памятно еще и потому, что в партии с ним я одержал первую в жизни победу над гроссмейстером. Это был сеанс с часами в финале Всесоюзного турнира Дворцов пионеров (1974). Правда, мне повезло: партия была отложена с лишней пешкой у меня, и жюри присудило мне победу, хотя путь к ней был непрост и вряд ли я в свои неполные 11 лет сумел бы одолеть самого Авербаха. А в командном Кубке СССР 1982 года мне удалось выиграть у Юрия Львовича сложное окончание «ладья, слон и пять пешек против ладьи, коня и четырех пешек» (все пешки были связанные), и я очень гордился этой по-

На командном Кубке СССР. Кисловодск, 1982

бедой над признанным знатоком эндшпиля.

Неудивительно, что именно у такого энциклопедиста-классика всегда было желание не просто докопаться до корней тех или иных исторических событий (он автор увлекательной книги «В поисках истины»), но постигнуть тайну происхождения шахмат и попытаться связать их развитие с эволюцией человечества в це-

лом. Это, конечно, исключительно сложная задача, решить которую пока никому не удавалось. Но у кого как не у Авербаха были самые весомые основания взяться за такой титанический труд! Хотя и не всё в этой новаторской книге бесспорно, она органично вписывается в жизненный путь и творчество Юрия Авербаха — выдающегося шахматного просветителя современности. ■

Авербах на сцене и за кулисами

Автобиографическая книга Юрия Авербаха «Шахматы на сцене и за кулисами» – редкий пример чтения одновременно увлекательного, познавательного и серьезного. Главный редактор сайта РШФ Владимир Барский восхищается разносторонними талантами ее автора и советует прочитать книгу всем любителям шахмат.

«У тебя Авербах с собой есть?» – типичный вопрос из моего шахматного детства. Под руководством Юрия Львовича вышел капитальный труд в пяти томах «Шахматные окончания», и без него не представлялся возможным качественный анализ отложенных позиций. Когда делегация школьников отправлялась на турнир в другой город, тренер обычно «распределял нагрузку»:

– Так, ты берешь ладейные, ты пешечные, ты – слон против коня... С тех пор прошла уже четверть века, но вот в мае 2011 года во время матчей претендентов в Казани Александр Гришук как-то сообщил журналистам:

– Мы с помощниками посмотрели у Авербаха, но схожей позиции там не нашли.

Речь шла об одной из партий матча с Крамником, где мог возникнуть любопытный ладейный эндшпиль. Разумеется, Александр привез с собой пятитомник Авербаха в электронном виде, сейчас уже не приходится перегружать багаж книгами и тетрадками с теоретическими записями.

В середине 80-х годов тренер посоветовал мне подписаться на шахматный журнал, чтобы держать руку на пульсе последних событий. Тогда у нас еще имелся выбор: например, выходил «64» под редакцией Карпова, а также рижские «Шахматы», где главным ре-

дактором был Гипслис. Семья у нас была не слишком богатая, и я по зрелом размышлении выбрал два журнала, которые редактировал Авербах: «Шахматы в СССР» и «Шахматный бюллетень». Там было много красивых партий с примечаниями гроссмейстеров и мастеров, публиковались яркие теоретические статьи, появлялись очень интересные подборки задач и этюдов (мой любимый раздел – «Этюды для практиков» под редакцией Анатолия Кузнецова на последней обложке «Бюллетеня»). В 90-е годы журналы Авербаха пережили взлеты и падения: то они выходили в цвете на глянцево-бумаге, к тому же на русском и английском языках сразу, то не печатались по несколько месяцев, пока редакции не удавалось насобирать денег на типографию. Какой уж тут глянец – на офсет бы наскрести! Если говорить о содержании, то это были лучшие для журнала годы: к отличным шахматным материалам добавились и острая публицистика, и архивные находки. Однако суровую борьбу за выживание журналы все-таки проиграли и в конце прошлого века прекратили свое существование. Помещение редакции (на первом этаже клуба на Гоголевском) какое-то время занимал ресторан «Новый свет», затем «Шатранж». Помню, как-то пришел туда на бизнес-ланч и вдруг понял, что сижу примерно на том

месте, где стоял рабочий стол Германа Самуиловича Фридштейна. Почему-то стало немного не по себе; обед съел, конечно, но больше туда не ходил. Потом ресторан закрыли, и помещение долго пустовало. Кажется, до сих пор оно толком не используется.

Я познакомился с Юрием Львовичем в начале 90-х, когда только начинал нащупывать свой путь в журналистику – первые мои анализы и статьи были опубликованы в его изданиях. Авербах поначалу казался строгим, суховатым, немногословным. Потом только я узнал, что это маска человека, приученного советской властью соблюдать осторожность в общении с незнакомыми людьми, а для друзей он совсем другой: веселый, остроумный, душа компании.

Автобиографическая книга Авербаха «Шахматы на сцене и за кулисами» вышла в издательстве «Рипол классик» в 2003 году. Удивительно, что она с тех пор ни разу не переиздавалась. – книга-то замечательная, а напечатана сравнительно небольшим тиражом. Редактировал ее Сергей Воронков, верстал Евгений Атаров: оба этих известных журналиста не один год работали под руководством Юрия Львовича. На обложку вынесена рекламная фраза: «Откровения шахматиста, политика,

«Моя мама работала в тресте «Союзхиммонтаж». Начальником одного из отделов был Сергей Каминер, выдающийся этюдист. Мама даже договорилась с ним, что он посмотрит мои партии. Однако вскоре он был арестован.

...В моем архиве есть текст неоконченной партии по переписке, начатой в том же злосчастном 37-м году. Белые — Юрий Авербах, черные — Борис Эмиль Август Джоунопатеро. Моим противником был молодой калужский шахматист Борис Швайковский. Не знаю, почему он выбрал столь странный псевдоним и что он значил. Было известно, что Борис увлечен эсперанто и ведет оживленную переписку с заграницей. Наша партия длилась недолго: всего десять ходов. А затем переписка прервалась. Приехав в 1938 году в свой родной город Калугу, я узнал, что Борис был арестован...

Настоящее потрясение я испытал, узнав, что как «враг народа» арестован профессор Борис Сергеевич Стечкин, отец моего друга Сережи, который поощрял увлечение сына шахматами и не раз наблюдал за нашей игрой.

...Репрессии коснулись и нашей семьи: исчез мой отец. Он работал бракером в тресте «Экспортлес». В его обязанности входил отбор древесины для производства целлюлозы. Большую часть года он проводил в командировках, на лесоразработках то в Архангельской области, то в Юрьевце и Кинешме на Волге, то еще где-то. В «Экспортлесе» скопом посадили всё руководство: они были связаны с заграницей. Заодно замели и рядовых работников.

Отцу несказанно повезло. Когда в 1938 году Ежова сменил Берия, наступило временное послабление. Очередной пленум ЦК осудил «перегибы», и на свободу выпустили часть тех, кто еще не успел получить срок. Теперь я понимаю, что повезло и мне. Если бы в московском Спорткомитете знали, что мой отец арестован, то ни за что не послали бы меня на первенство школьников. Видимо, сыграв

историка». Действительно, Авербах рассказывает многое из того, о чем в советские годы нельзя было говорить вслух, но много меньше того, что знает. В то же время, даже если он кого-то критикует, то старается делать это очень деликатно, интеллигентно, никогда не опускаясь до сведения счетов. Центральным стержнем книги являются 64 памятные партии, подробно прокомментированные гроссмейстером. Именно памятные: автор не пытается предстать перед читателем супергероем, он приводит и ничейные поединки, и даже проигранные. Обязательное

условие: эти партии чему-то научили Авербаха, и он с их помощью пытается передать свой опыт читателю.

Биография Юрия Львовича могла бы лечь в основу приключенческого романа, но он излагает ее очень лаконично, не позволяя эмоциям захлестнуть себя. Может быть, чуть суховато, но это дело вкуса. Уже с первых страниц становится ясно, какая тяжелая атмосфера царила в Советском Союзе в конце тридцатых годов, когда Авербах формировался как личность и как шахматист. Вот несколько характерных эпизодов:

ло роль то, что отца взяли не в Москве, а в «глубинке», где-то в Ивановской области...»

Понятно, что человек, перед глазами которого разворачивались все эти картины, самой жизнью будет приучен соблюдать осторожность.

Авербах родился в 1922 году — процентов 90 его сверстников погибло на войне. Его вполне могла постигнуть та же участь, если бы не счастливый случай. В октябре 1941 года Юрий пошел добровольцем в армию, но его забраковали. Военный, который отправил студента за ботинками, спас Авербаху жизнь. Ничему толком не обученные ополченцы гибли под Москвой тысячами, Сталин просто затыкал людьми дыры на фронте, лишь бы на день, на два сдерживать натиск врага.

Много биографических подробностей можно найти и в примечаниях к партиям. Фактически, каждая партия — это небольшая новелла, где автор рассказывает не только о шахматных ходах, но и дает очень емкие характеристики соперников, затрагивает психологические проблемы борьбы. Авербах старался развеять (и ему это вполне удалось) сложившийся стереотип, что он — сухой «технар». Вот что сам он пишет в предисловии:

Искушенного читателя может удивить, почему я, считаясь экспертом в области эндшпиля, привел сравнительно мало партий на эту тему. Объяснение простое. Во-первых, в моих книгах по эндшпилю хватает таких примеров, а повторять их не хотелось. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, мне хотелось показать, что вопреки расхожему мнению я вовсе не был сугубо техничным игроком. Хотя в целом я был шахматистом позиционного стиля — но универсалом, достаточно сильным и в атаке, и в защите, и в маневренной борьбе, и в острых комбинационных схватках!

Тем не менее — надеюсь, Юрий Львович не обидится за такое признание, — мне больше всего нра-

Юрий Авербах и Пауль Керес с наградами

ФОТО ИЗ АРХИВА Ю. АВЕРБАХА

вятся в его исполнении именно тонкие окончания. Также необычайно ценны жизненные выводы, советы умудренного большим опытом человека, которые разбросаны там и сям по страницам книги. Например, слова о том, что в спорте сомнения до добра не доводят. Авербах пытался в течение нескольких лет совмещать занятия шахматами с учебой в вузе, и в результате застопорился в своем шахматном развитии.

«Есть поговорка: молодым везет. Действительно, мне повезло в полуфинале первенства Москвы 1943 года, везло в финале, где я стал мастером, везло и в полуфинале чемпионата страны 1944 года. Образно говоря, в мои паруса все время дул попутный ветер. Однако я пренебрег этим и был наказан. Судьбу искушать нельзя!»

Конечно, нет смысла пересказывать книгу. Уверен, вы получите большое удовольствие и от разыгрывания партий Авербаха, и просто от того, что будете следовать за его живой мыслью. Юрий Львович оглядывается на долгую жизнь и пытается по возможности объективно анализировать свои поступки, те или иные повороты судьбы. Большая дистанция прожитых лет позволяет ему взглянуть на «дела давно минув-

ших дней» как бы со стороны, немного отстраненно, ничего не приукрашивая и не сглаживая острые углы.

Я очень ценю в людях такое качество, как способность к самоиронии. Подшутить над другими мы всегда рады, а вот к самим себе часто относимся с повышенной серьезностью. Авербах не упускает случая посмеяться над собой, охотно вспоминает забавные эпизоды из жизни. Например, он рассказывает о своей работе в пресс-центре во время матча 1951 года между Ботвинником и Бронштейном:

«Мы анализировали партии матча и помогали журналистам его освещать. После первой половины матча ко мне подошел один журналист и предложил написать обзор для его газеты. Отдавая статью, я спросил: «Как называется ваша газета?» — «Совхозная правда», — последовал ответ. Газеты с таким названием мне видеть не приходилось.

Через пару дней в газетном киоске на Арбатской площади я поинтересовался, бывает ли у них «Совхозная правда». Высунув голову из будки, киоскер уставился на меня с нескрываемым любопытством. «Бывает, — отве-

ФОТО ИЗ АРХИВА Ю. АВЕРБАХА

тил он, — но крайне редко». И через паузу добавил: «Идет в основном на оклейку стен!» Так началась моя журналистская биография...»

Постараюсь не злоупотреблять цитатами, иначе можно увлечься и переписать всю книгу. Как ни банально звучит эта фраза, но перед глазами читателей действительно встает живая история советских и мировых шахмат. У Авербаха прекрасная память, и несколько лет назад я имел возможность убедиться в этом лично, когда помогал Юрию Львовичу готовить большую статью, посвященную турниру претендентов 1953 года. Некоторые факты я потом проверил по другим источникам и могу подтвердить, что Юрий Львович нигде ничего не напутал.

Примерно половину книги составляют чисто мемуарные заметки, эта часть называется «Приглашение за кулисы». Заголовки говорят сами за себя: «Как я был тренером Спасского», «Как я был тренером Таля», «Как я был тренером Петросяна», «Как я был тренером Смыслова», «Как я стал редактором», «Как я стал президентом», «Как я поссорился с Корчным и Карповым». В последней из этих

глав эмоции все-таки прорываются наружу: очевидно, Корчному удалось пробить защитную броню Авербаха. Речь идет о финальном матче претендентов 1974 года между Карповым и Корчным, когда спортивные власти ясно дали понять, что делают ставку на более молодого гроссмейстера.

«Узнав, что Спорткомитет занял сторону Карпова, Корчной вылил всю злость на меня (Авербах в эти годы был президентом шахматной федерации СССР. — В.Б.). Через несколько дней в ЦШК на столе, где обычно складывалась корреспонденция, я обнаружил открытку от Корчного, пропитанную желчью, с оскорбительными выпадами в мой адрес.

Как следовало реагировать на подобное послание? Если бы это случилось в 19-м веке, я бы вызвал Корчного на дуэль, будь по-моложе, набил бы ему физиономию, а тогда прекратил с ним всякие отношения и перестал здороваться...»

В то же время, после прочтения этой книги у меня сложилось впечатление, что автор порой сам себя сдерживает, останавливается, не договаривая какие-то вещи: может быть, ему и хочется добавить какую-то деталь,

штрих к портрету и т.п., но он пытается соблюдать политкорректность. Совсем недавно удалось убедиться в правильности такого предположения.

В книге есть глава «Спарринг-партнер Ботвинника». В ней Юрий Львович рассказывает, как в 50-е годы сыграл несколько тренировочных матчей с Патриархом, приводит шахматные примеры. Но — никаких выводов, никаких обобщений; лишь осторожно замечает, что тренировочные партии, вопреки убеждению Ботвинника, не всегда полезны, иногда могут и навредить. А в «64» №8/2011 в материале, посвященном 100-летию со дня рождения 6-го чемпиона мира, Авербах все-таки решился высказать свое мнение о Патриархе: *Хотя в Ботвиннике было немало хорошего, в целом он показался мне мизантропом, не ждущим ничего путного от рода человеческого. Отсюда его недоверие к людям, мнительность, подозрительность. Это отчетливо прослеживается в его биографической книге «К достижению цели». Рассказывая о людях, встречавшихся ему на жизненном пути, он удивительным образом почти для каждого находит черную краску своего оттенка.*

Последний маленький раздел под названием «Не совсем обычные путешествия», на мой взгляд, стал украшением всей книги. Это словно рюмка доброго коньяка после роскошного обеда! Гроссмейстер рассказывает о своих поездках в экзотические страны, о том, как встретился один на один со змеей, как видел вблизи акулу. Авербах с юных лет мечтал о дальних странах и увлекательных путешествиях — не случайно героем его детства был отважный норвежский путешественник Руаль Амундсен. Судьба шахматиста позволила ему объездить весь мир и бывать в десятках стран. Юрию Львовичу Авербаху есть что вспомнить и есть что рассказать. ■